

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 808.2-318+802.0-318

ИМПЛИЦИТНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ КАТЕГОРИЯ¹

Н. Ф. Алефиренко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Имплицитность – одна из основополагающих категорий когнитивной поэтики художественного текста, которая формируется взаимодействием многоканальных когнитивно-синергетических истоков образного дискурса.

Ключевые слова: имплицитность, текст, дискурс, лингвосинергетика, лингвопоэтика, коммуникативное событие.

Одним из категориальных свойств когнитивной поэтики художественного текста является имплицитность, под которой нами понимается особого рода подтекст, возникающий за счёт увеличения смыслового ореола знака, репрезентирующего художественный концепт [1, с. 207]. Отличительными признаками имплицитности как дискурсивного средства порождения художественного текста являются:

- выход за пределы непосредственно воспринимаемого смыслового содержания номинации, выход в дискурсивную ситуацию: (а) в логические рамки мышления, фоновые экстралингвальные знания, в чувственно-образную сферу сознания; (б) в предметную ситуацию речевого акта с ее материальными атрибутами; (в) в речевой экстракт обмена скрытыми мыслями;
- подвижное, сбалансированное соотношение между элементами номинации и элементами ситуации, которое выражается в разных типах и видах номинации;
- категория адресата (интерпретатора), которая нередко задается автором «на входе» как свойство художественно-образной номинации, свойство проявляющееся только «на выходе», при непосредственной интерпретировании воспринимаемого текста;
- переосмысление номинации, которое часто приводит к созданию нового, ассоциативного, смысла. Ее предпосылка – диалог, выступающий, по словам М. Ю. Лотмана, «основой смыслообразования».

Иными словами, имплицитность формируется многоканальной когнитивно-синергетической природой образного дискурса, порождающего художественный текст. В когнитивной лингвопоэтике дискурс понимается как речемыслительное образование событийного характера, природа которого обуславливается совокупностью

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по Госконтракту П 1306.

коммуникативно-прагматических, социокультурных, психологических, паралингвистических и других факторов. И в этом статусе он характеризуется несколькими образующими имплицитность смыслового содержания художественного текста признаками:

а) как коммуникативное событие – это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации;

б) образуя собой своеобразное ценностно-смысловое единство, дискурс предстает как лингвокультурное образование [1: 8];

в) в отличие от речевых актов и текста в его традиционном толковании (последовательной цепочки высказываний), дискурс следует рассматривать как социальную деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фиксирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности;

г) как «речь, погруженная в жизнь», или «текст, взятый в событийном аспекте» [2], преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию, становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим «устройством», экзегетическим «текстом» культуры, ментальным фрагментом «возможного мира» (возможного положения дел, вариативного развития событий).

1. Смыслопорождающий потенциал дискурса

Гипотеза представляемой здесь концепции состоит в предположении, что *смыслопорождающий потенциал дискурса обуславливается его когнитивно-синергетической природой.*

Предвосхищая идеи современной когнитивно-поэтической синергетики, исследующей принципы самоорганизации художественного текста, русский философ П. А. Флоренский писал: «Связь бытий <...> есть синергия, со-действие бытий <...> Она не состоит в тождественном равенстве ни с одним из бытий, будучи новым в отношении каждого из них; но она есть каждая из них» [11, с. 286]. Размышляя над природой языка, П. А. Флоренский пришел к убеждению: «Слово синергетично» [11, с. 263]. «Слово больше себя самого. И притом, больше — двояко: будучи самим собою, оно вместе с тем есть и субъект познания и объект познания» [11, с. 293]. «В слове уравниваются и приходят к единству две накопившиеся энергии... Оно не есть уже ни та, или другая энергия порознь, ни обе вместе, а новое двуединое энергетическое явление, новая реальность в мире... Но нельзя сказать: «оно само по себе». Без того или без другого из соединяемых им полюсов оно вовсе не есть [11, с. 292].

Как когнитивно-синергетический феномен, слово есть образ дискурсивного взаимодействия субъекта и объекта. Уравновешивая эти два сопряженных полюса, образ взаимодействия выступает по отношению к ним как интерполент, индуцированный их взаимным влиянием. Формирование интерполента возможно как между двумя полюсами, так и в пределах одного из них. Так, при явлении резонанса, в интерпретации П. А. Флоренского [11, с. 286], «в резонаторе колеблется не только его энергия, и не энергия только вибратора, а синергии того и другого». Эта «синергия» и есть динамический образ взаимодействия двух полюсов, вибратора и резонатора, сформировавшийся внутри последнего, который как бы порождает синергетический образ внутри себя. Так и слово порождается и пределах субъекта, будучи интерполентом его взаимодействия с объектом. Слово в его звуковой оболочке — это форма, дискретная сущность, схватывающая, фиксирующая зыбкий и пластичный синергетический образ, индуцированный в сознании субъекта.

Под когнитивной синергетикой художественного дискурса мы понимаем взаимодействие всех порождающих его факторов, в результате которого происходит «слияние и со-действие энергией», направленные на онтологическую и функциональную «самоорганизацию» дискурсивного пространства и определяющее смысловую дистрибуцию его ингредиентов. В связи с этим, как нам представляется, смыслорождающая энергия художественного дискурса подпитывается различными энергопотоками:

- сенсорно-перцептивной образностью,

- знаково-символической интерпретацией первичных образов,
- действием превращенной формы в тексте, и, наконец,
- воздействием экстралингвистической среды ситуативного, культурного и коммуникативно-прагматического контекста.

В своем единстве названные энергопотоки представляют собой ассоциативно-деривационную сущность художественного дискурса, благодаря которой используемые в нем языковые знаки становятся стереотипными образными единицами. Такие дискурсивно превращенные единицы способны нести не только рациональную информацию, но и имплицитно выражать практически необозримый спектр человеческих эмоций, интегративно представляя понимание и переживание человеком воспринимаемого мира.

Поэтому объектом лингвистического анализа художественного дискурса, смысловое пространство которого представляют в разном соотношении единицы первичной и вторичной номинации, становится не только текст, но и вся та социокультурная информация, которая этим текстом опосредуется. Художественный дискурс, представляет собой прежде всего среду формирования поэтической энергии единиц непрямого знакообозначения. При этом следует помнить, что центральной фигурой вторичного семиозиса выступает языковая личность – главный энергоноситель в лингвокреативных процессах метафорического мышления. Действительно, художественный текст создается и воспринимается субъектами дискурса (автором, его создающим, и читателем, его воспринимающим), без которых существует лишь «тело текста», последовательная цепочка каких-то фигур. Иными словами, «тело текста», рассматриваемое без означивающих его субъектов речи, не может служить источником внутренней энергетики. Таковым он становится лишь тогда, когда погружается участниками дискурсии в соответствующее этнокультурное пространство, центральной фигурой которого является художник слова (креативная языковая личность), создающий художественный текст. Только текст, погруженный в культуру, представляющий собой определенное дискурсивное пространство, может служить источником той энергии (образного напряжения, поэтической силы и интенсивности), в силовом поле которой порождаются знаки образной номинации. Что же является невидимым и поэтому таинственным источником поэтической энергии дискурса?

Как показывают наши исследования, таковыми, прежде всего, выступают прагматические и концептообразовательные механизмы формирования внутренней формы дискурсивно обусловленного языкового знака.

Концентрируясь вокруг некоторого опорного концепта, дискурс создает общий речемыслительный контекст, включающий в себя информацию о субъекте/-ах речемышления, объектах, обстоятельствах, о временных координатах. Базовыми структурными элементами художественного дискурса выступают: (а) события, их участники, перформативная информация и (б) не-события (обстоятельства, сопровождающие события, фоновая информация, оценка события, информация, соотносящая дискурс с событием) [5, с. 203]. За художественным дискурсом, следовательно, стоит особый мир. Более того, этот мир может быть не только реальным. Чаще всего художественный дискурс, по Ю. С. Степанову, – это один из «возможных миров» многосложной структуры.

С точки зрения структуры, художественный дискурс – двустороннее образование, имеющее план выражения и план содержания [10, с. 8]. План выражения дискурса – связанная последовательность языковых единиц, созданная в определенное время в определенном месте с определенной целью. В означивающем дискурса дискурсивным этносознанием выделяются ключевые слова-концепты, вобравшие в себя смысловую и экспрессивно-оценочную энергетику всего коммуникативного события. Именно эти слова-концепты становятся, как правило, смысловым центром вторичного знакообра-

зования. Значения же таких знаков заключают в себе свернутые модели дискурсивной деятельности.

План содержания дискурса образуют его семантика и прагматика. Семантическая структура дискурса представляет собой триединство следующих аспектов: а) реляционно-го, отражающего строение факта в виде признаков отношений между предметами; б) референциального, соотносящего аргументы пропозиции с предметами; в) предикационного, фиксирующего приписываемые семантическому субъекту признаки. В результате сложнейших лингвокогнитивных преобразований дискурса (редукции и перестройки плана выражения, с одной стороны, и образной конденсации плана содержания в процессе образования новых метафорических концептов, с другой стороны) лингвокреативное мышление способно порождать знаки косвенно-производной номинации.

Любой знак косвенного именованья (метафорическое сравнение, метафорическое и метонимическое сочетание, фразеологизм, паремия), возникнув на базе дискурса, характеризуется асимметрией формы и содержания, когда смысловое содержание означаемого знака не вытекает непосредственно из линейно организованного смысла означающего. Асимметрический дуализм дискурсивно обусловленных знаков обуславливается самой их генетической природой: они порождаются потребностью речемышления в образно-прагматических средствах – в вербализации чувств, эмоциональных оценок, способов эмоционального воздействия, ярких и метких характеристик человека, предметов и явлений. Когнитивная сущность дискурсивного знакообразования (разумеется, в иной терминологии) впервые была определена М. Лацарусом и А. А. Потемной как «сгущение мысли», когда появление на основе дискурсивного мышления новой внутренней формы и сама апперцепция в формирующемся знаке «сгущает чувственный образ, заменяя все его стихии одним представлением...» [8, с. 194]. При этом происходит ослабление или даже забвение внутренних форм слов их дискурсивного переосмысления. В результате таких дискурсивно-когнитивных преобразований развивается несоответствие означаемого означателю дискурсивно обусловленного знака косвенно-производной номинации. В соответствии с концепцией структурной асимметрии языкового знака, при возникновении дискурсивно обусловленного знака нарушение взаимнооднозначных отношений между означаемым и означающим дискурса приводит к их асимметрии. Причем дискурсивное знакообразование осуществляется в процессе возникновения совмещенной асимметрии – парадигматической и синтагматической. Синтагматическая асимметрия проявляется в том, что целостная мыслительная структура (концепт, гештальт, фрейм) объективируется в образной речи (а) имплицитно, в виде устойчивого сочетания слов, возникшего в результате нарушения их смысловой дистрибуции: одним миром мазаны – 'одинаковы' или (б) эксплицитно, в виде метафоры: *Молния сверкала синей птицей* (Б. Поплавский) < молния – синяя птица. Парадигматическая асимметрия дискурсивно обусловленного знака образуется несоответствием его ассоциативно-смыслового содержания значениям слов в их первично-номинативном статусе. Ср. парадигматическую асимметрию фразеологических единиц и метафор: а) *открывать Америку* – 'говорить, сообщать то, что всем давно известно' (насмешливо, пренебрежительно); б) *Свой гребень подняла волна Крылом нацелившейся чайки* (Н. Н. Васильев) < гребень – крыло чайки. Такого рода асимметрия отражает весь прагматический спектр синергетики художественного дискурса, включающего в себя интенциональный, ориентационный (дейктический), пресуппозиционный, импликационный, экспрессивно-оценочный, субкодовый (функционально-стилистический), модальный и коммуникативно-информационный (фокальный) компоненты. Характер названных компонентов, собственно, и определяет имплицитность когнитивно-дискурсивных и прагматических свойств языкового знака в художественном тексте.

2. Событийная синергетика образного слова и дискурса

Если подходить к данной проблеме как многоканальному процессу, то изначальными когнитивно-дискурсивными факторами формирования синергетичности художественного знака выступают не столько единичные денотаты и сигнификаты, сколько такие имплицитные категории дискурса, как событие, ситуация, пресуппозиция, прекоонструкт, интердискурс, интрадискурс, которые уже были объектом нашего рассмотрения [см. 3]. Мы же остановимся только на событии — важнейшей когнитивной категории, обуславливающей лингвопоэтическую синергетику художественного дискурса в целом и образного слова в частности. «Событийное» представление мира выдвинуло на первый план идею связей и отношений, свойств и состояний, признаков и действий, выполняемых в окружающем мире. «Для события релевантен признак выделенности из потока происходящего» [4, с. 36]. Внутри данной категории, вслед за В.З. Демьянковым [5, с. 201], имеет смысл различать событие-идею, референтное событие и текстовое событие. События-идеи соотносятся в художественном дискурсе не с реальными объектами действительности, а с их «теньями». Так воспринимается событие-идея в стихотворении Николая Рубцова «Воробей»:

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зернышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему...

Вот почему понимание, казалось бы, такого простого стихотворения предполагает не только понимание каждого из составляющих его слов в их обычном значении — необходимо понимание всего образа жизни (события-идеи), отраженного в словах и раскрывающегося в оттенках их значений [6, с. 131]. Не замерзающий голодный воробей — реалья обыденной действительности, а её «тень» — превратности человеческой судьбы — волнуют отзывчивую душу поэта. Прав Глеб Горбовский: «стихи Рубцова лишь для тех, кто, живя, страдал неподдельно, для сердец серьёзных, зрячих к своей и чужой боли» [7].

Событие как идея находится вне пространственно-временного измерения. Так, за дискурсивно обусловленным знаком, возникшим на базе библейской притчи или, скажем, басни И. А. Крылова, необходимо «увидеть» весь дискурс одновременно как повествование и поучение; ср.: петушка хвалит петуха..., правая рука кого. Событие-идея, в результате интерпретации реального или виртуального события, лежит в основе интенционала предметно-понятийного ядра образного слова. Собственно событие — это конкретный объект действительности, представленный дискурсом в пространственно-временном измерении как праобраз события-идеи. В семантической структуре дискурсивно обусловленного слова собственно событие образует её экстенционал, т.е. то денотативное пространство, с которым соотносится данное слово, или те образы культуры, которые закодированы в его значении. Это позволяет один и тот же реальный объект подвергать разным интерпретациям. Ср.: иметь голову на плечах — 'быть умным, рассудительным, сообразительным'; голова (котелок) варит у кого — 'кто-л. умен, сообразителен, догадлив, понятлив'; семи пядей во лбу — 'очень умный, мудрый, выдающийся'. Вербализуемое таким образом событие дает возможность референтное событие представлять в разных денотативных вариациях текста. Текстовое событие — это «плавное течение» референтных в пространстве и времени или «течение» событий-идей во времени. В этом смысле оно представляет собой линейную интерпретацию события в рамках соответствующего дискурса или его интерпретацию в ряду других фрагментов дискурса. В семантической структуре дискурсивно обусловленного

знака текстовое событие представлено коннотативными и прагматическими смыслами. Следовательно, лингвокогнитивный анализ дискурсивно интерпретируемых знаков должен опираться на экспликацию референтного события, события-идеи и текстового события, закодированных соответственно в экстенционале, интенционале и импликационале того или иного знакового образования.

Как особый тип культурно-семиотического контекста, событие характеризуется референтностью, общественно значимой кульминативностью, динамизмом и «сценарностью». Ср.: родиться в сорочке / в рубашке – ‘быть удачливым, счастливым, везучим во всем’; перейти Рубикон – ‘сделать решительный шаг, определяющий дальнейшие события, совершить решительный поступок, имеющий поворотное значение в жизни’. Значимость события для формирования концептуальной структуры знаков косвенно-производной номинации очевидна. «Событие после сущности» – основной конструктивный элемент языковой картины мира. Поскольку «на оси жизни событие занимает особое, выделенное место», «это – веха, а иногда и поворотный пункт на жизненном пути», «это – зарубка на шкале жизненных уровней, отмечающая высоту взлета и глубину падения», «событие нельзя не заметить» [2, с. 509]. Поэтому под синергетическим воздействием дискурсивного пространства оно способно преобразовываться в концепт – когнитивную структуру [1, с. 231], мыслительный субстрат образной единицы языка художественного текста.

Сделанные наблюдения позволяют сформулировать две важнейшие для когнитивной лингвопоэтики закономерности: (1) формы репрезентации действительности (образно-пространственные, вербальные, семантические и т. д.) обуславливаются главным образом типом дискурсивного мышления и (2) между этими формами отсутствует строгая когнитивно-семиологическая детерминация, обеспечивающая практически неограниченные возможности наносмысловому взаимодействию языка, познания и культуры. Выявленные закономерности опровергают ранее доминировавшее положение о линейной, последовательной обработке информации. Это, в свою очередь, обусловило само возникновение когнитивной лингвопоэтики, ведущей поиск синергетических (нелинейных) способов словесно-художественной обработки информации. Для достижения этой цели в когнитивно-лингвопоэтической адаптации нуждаются такие понятия, как «когнитивная карта» текста, «схема» и «фрейм». Они вполне соотносимы с идеями когнитивной лингвопоэтики, поскольку ориентированы на функциональную связь текста со средой: они имплицитно содержат указание на решающую роль «рамки», «контекста», «значения» в дискурсивной активности лингвокреативного мышления автора и читателя. В некотором роде появление этих понятий перекликается с учением А. А. Потебни о механизме апперцепции, лежащем в основе перекодирования предметно-чувственной информации в семантическую структуру слова. Ученый доказывал, что в процессе вербализации мысли полученное впечатление подвергается новым изменениям, то есть воспринимается вторично. И это восприятие нелинейно. Именно вторичное восприятие мира, закодированное в слове, А. А. Потебня и называл апперцепцией. Её результаты составляют когнитивную базу языкового значения. Подобные суждения получают подтверждение и в современной когнитивной науке. Всё познаваемое нами воспринимается в определенном смысловом поле лексического значения, подвергается своего рода «априорному означиванию». С точки зрения современной когнитивной лингвопоэтики, восприятие мира и его моделирование в художественном тексте, как правило, осуществляется в рамках некоторой ранее созданной схемы, позволяющей обрабатывать информацию тем или иным способом. Следуя концепции Р. Л. Солсо [см. 9], можно говорить о том, что в художественной обработке информации принимают участие такие системы человеческой психики, как восприятие, распознавание образов, внимание, память, воображение, мышление, человеческий интеллект и языковые функции. Как видим, в сфере внимания когнитивной лингвопоэтики находится язык в особой его функции. Язык предстает здесь как система интериоризации знаний благодаря таким речемысли-

тельным качествам человека, как языковая способность, языковые умения и навыки, что образует область сопряжения интересов лингвопоэтики и когнитивной лингвистики, в частности лингвистики дискурса. Синергетическое единство когнитивно-прагматической и дискурсивной деятельности автора и читателя – важнейшая сфера интересов когнитивной лингвопоэтики, интегрирующей знания о (1) порождении словесно-художественного мышления и сведения о (2) восприятии и (3) понимании языковых знаков, реперезентирующих в художественном тексте соответствующие когнитивные структуры, под которыми понимаются содержательные формы имплицитного кодирования и хранения информации.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта-Наука, 2010. – 288 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
3. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова: синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 392 с.
4. Langacker, Ronald W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar [M]. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 365 p.
5. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58 – 67.
6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2003. – 656 с.
7. Горбовский Г. День поэзии 1979. М.: – «Советский писатель», 1979. – 224 с.
8. Потебня А.А. Собрание трудов. Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 1999. – 269 с.
9. Солсо Р.Л. Когнитивная психология. – СПб.: «Питер», 2011. – 589 с.
10. Сусов И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система // Языковое общение: Процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 7-12.
11. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. – Т. 2. – М.: Правда, 1990. – 490 с.

IMPLICITNESS OF THE FEATURE TEXT AS A COGNITIVE AND DISCURSIVE CATEGORY

N. F. Alefirenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Implicitness is one of the base category of cognitive poetics at literary text. It is formed by interaction of multi-channel cognitive-synergetic origins of figurative discourse.

Key words: implicitness, text, discourse, linguo-synergy, linguo-poetics, communicative event.